

10 января 1944г.

Как же кто-то говорит себе - не пора ли
поработать? Но - как посмотреть еще, что
будет дальше! А дальше это 2-й кониар.
- Вот сегодня вечером, накануне праздников
стала бы почистить, вот еще 3 нота, на сегодня
кто у меня дома в 28 и 30-й в 1-й комнате с
командира, м. и. Зелинским. Но, а оно еще
до сих пор не кончено, оно было разбито во
Киевской камее и украинской фабрике, с охоты
Киселов украинцы по нашему району из
камберских пухов, и с охоты похоти 2-й кониар
сегодня день, пуховый камее. Камее, по
пуху угадаю и в мое окно разбито
оно было, ну и поэтому на вечер, а деню
поработать, но можно бы и в вечер поработать.
На праздники камее, тогда, сегодня
было, тогда, тогда по партизан. Силу, и
какие на сегодня, а пуховый командир
30 с кем по пуху и, охоты и в вечер, по
какие 300 и. на сегодня, а тогда
видать 80%, в пуху все кониары, тогда
было это пуховый кем какие то
какие то в сарае. Пуху все кониар
какие кониары на сегодня и забыла
какие 30 24 и. 7-го числа, в то время

Дневник неизвестной

ЛЕНИНГРАД, НОЯБРЬ 1942 – АПРЕЛЬ 1944...

Е.М. КОЛОСОВА,
директор Музея РГПУ им. А.И. Герцена

Примерно полгода назад в Музей позвонил давний наш друг, главный редактор журнала «Командор» (Союз ветеранов войны в Афганистане «Афганвест») М.Б. Тарасов: «Слушай, я на днях разбирал архив моей матери. Она мне говорила, что соседка по коммунальной квартире оставила ей дневник, я его нашел. Мне кажется, это уникальный документ блокадной поры. Давай подумаем, как его опубликовать. Ты пока прочти, а я попробую разыскать данные об авторе». Увы, данные так и остались неизвестны: Михаила Борисовича не стало...

6 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

<...> Как часто говорю себе — не пора ли кончать, но нет, посмотрю еще, что будет дальше! А дальше что? Кошмар! Вот сегодня вечером, накануне праздника, осталась ночевать, вот уже 3-ю ночь, на службе, ибо у меня дома, в 25-метровой комнате, холодина, т.к. загнул мороз, а окно еще до сих пор не было починено. Оно было разбито во время налета германских фашистов: с аэропланов стреляли по нашему району из мелкокалиберных пушек и снаряд попал в трубу соседнего дома. Получился каскад камней, который угодил и в мое окно, разбил цельное стекло, низ и частично наверху, а денег починить нет, но, может быть, за водку починят.

На праздники нам дали водку, сиделку, красное вино, изюм, шоколад

по карточкам. Сижу и ем шоколад, очень вкусный, полагается 300 гр. на декаду сладостей, а шоколад выдают 80%, взяла не конфетами, потому думаю, что полезней, чем какие-то дурандовые конфеты с сахаринном.

Пишу при свете тусклого электричества, на сегодня и завтра должны дать до 24 часов. 7 числа — в те дома, где исправлена электропроводка, а потом опять тьма крошечная, на улице хоть глаз выколи, только когда проходит трамвай с синими лампочками и бывают вспышки проводов, тогда что-то на миг видно.

Со службы приходится ходить уже домой в темноте, а мне надо идти минут 15 до пр. Газа, с трудом попадаю в трамвай, где много народу, очень часто еду до кольца, а потом обратно до Технологического института, до дому минут 10 ходьбы. Час-

Дневник теперь хранится в нашем Музее.

И хотя данные записи не имеют отношения к истории университета, но я думаю, что под ними мог бы подписаться любой или почти любой герценовец, переживший полную блокаду Ленинграда.

Устройство быта, желание утоления чувства голода, общее состояние напряженности, беспокойство за жизнь дорогих людей, ожидание скорейшей Победы — эти мысли присутствуют практически во всех записях той поры и отражают нашу общую историю.

Мы не знаем, как зовут автора, но это женщина 47-48 лет, бухгалтер, служила в ЖКО БТМ, проживала в Московском районе. Судя по записи на последней странице, она перечитала его в 1946 году и сама пришла в ужас: «Какой кошмар!»

Предлагаем читателям всего несколько страниц из этого дневника. Авторский текст полностью сохранен.

*Материал оформлен работой
А. Корольчука «Прощание»,
из серии «Письма войны»
литография, 1985.*

то теперь буду ночевать на службе, пока начальник в командировке на Большой земле. Так называют СССР, не оккупированный немцами, куда можно проехать только через Ладожское озеро пока водой, а потом, наверно, как в прошлом году, будет «Ледяная дорога», или «Дорога жизни», по которой было сообщение автотранспортом, пешком, можно еще, конечно, и летным способом.

Вот ведь уже год, как блокада Ленинграда, и живем страшной жизнью. У меня все потеряно, а главное — мама, умершая весной, не выдержала, бедная, погубила ее жизнь: понос, дистрофия, цинга, истощение, голод, холод; обидно, что дожили до весны, когда стало теплее, светлее, поспела травка; как меня выручила лебеда, сколько я ее ела, и собирала, и покупала, ела целыми кучами в разных видах: щами, тушеный,

вареный, лепешками, и что только я не придумывала. Так и все. Вот мама стала бы питаться ею, но... Потом я посадила огород, который нам отвели от службы. Мы, служащие ЖКО БТМ, устроили коллективный «живой огород»: вскопали гряды, натаскали навозу, посадили свеклу, белую, красную, брюкву, укроп, капусту, редиску, салат. Никогда я не ела столько салата, как этим летом, 94 раза сеяла его. Очень его люблю,

красивый мужчина, молодой, есть ребенок, хорошенькая, молоденькая жена, которая эвакуирована, она получала письма от него и, обливаясь слезами, читала их. Н.С. была убита печкой, которая на нее обвалилась, она всегда пряталась за нее, когда начинался обстрел, сколько молодых девушек погибло. Когда я наконец-то прибежала, перелезая через выбитые рамы на лестнице, в бомбоубежище, там было много народу и перевязы-

сломали деревянный дом. Каждый гражданин обязан был заработать 4 кубометра: 2 куб. — себе, а 2 куб. — государству...

Что мне делать, надо устраивать жизнь иначе, но нет времени, ни сна! Очень связывает рацион, 3 раза в день хожу завтракать, обедать и ужинать в красное здание, а по праздникам и выходным дням приходится приезжать хотя бы раз в день, в будни очень удобно, т.к. заботиться о приготовлении пищи не нужно, но кормят иногда плохо, иногда хорошо. Приходится подваривать, если есть крупа, наеяться или купить за бешеные деньги то кашу или суп, или щи, пока есть овощи. Цены страшные: пшено — 400 р., молоко 150 р. — литр, капуста — 100 р., турнепс — 100 р., масло — 1.500 р. килограмм, сахар — 1.000 килограмм, хлеб — 300 р., картошка — 250 р. Денег не напасишься — вещи обесценены. Я совсем разделась: обобрали спекулянты, за килограмм хлеба я отдала шерстяное зеленое платье. Да еще заплатила штраф 50 рублей, когда милиционер свел меня в пикет, за свое платье была наказана потому, что меняла. Ах, как было обидно! А мама в это время лежала, ноги распухли, и я была по бюллетеню из-за дистрофии, слабости сердца — ходила и качалась, один скелет с провалившейся грудью. Сейчас я получше выгляжу, откормилась в столовой усиленного питания, куда направляли меня 4 раза. Потом они закрылись. Какое это было спасение для многих! Теперь рационы уже не то! Печально то, что обслуживающий персонал ведет себя не по-человечески, так смотрят на всех, как на воров, и мы у них в руках, что жутко! Зато как-то они выглядят, толстые, нарядные, в

Что-то стреляют, хотя не слышать тревоги. Опять налет и опять разрушения моего любимца города, так больно! И страшно!

т.к. заправлять было нечем, иногда соевым кефиром, то ела без всего. Вообще все овощи с огорода я ела сырыми, т.к. дров у меня нет, а всю мебель похуже сожгла в прошлую зиму в чугунке. Да, я «разбомбила» все сундуки, шкафы, табуретки, ящики, полки и т.д. В одну ночь у нас украли дрова, вывезли, и даже дверь от сарая украли. Это был такой удар! Жила я прошлую зиму на карточке 2 категории, а мама как иждивенка — 3 категории, она получала 300 гр. хлеба в день, а я 400 гр. А сейчас у меня рабочая карточка 1 категории и хлеба 500 гр. в день, ну, и продуктов больше, чем по 2 категории. Нам, бухгалтерам, дали 1 категорию начиная от старшего бухгалтера, а я старший бухгалтер.

Что-то стреляют, хотя не слышать тревоги. Опять налет и опять разрушения моего любимца города, так больно! И страшно! Я ведь пережила этот ужас, когда на мое здание на службе были сброшены с самолетов 2 фугасные бомбы. Я каким-то чудом уцелела, через комнату все провалилось с 3 этажа в 1 этаж, сколько людей было погребено, сколько ранено! А я схватилась за косяк двери руками и коленями и так «болталась» со стеной вместе, она «ходуном ходила», т.к. была не капитальная, а потолок, т.е. штукатурка с грохотом сыпалась на меня; я спасала свою голову, была одета зимняя шапка, мое зимнее пальто было, как у мельника, белое, лицо и все остальное. Не могла я пробежать из комнаты по коридору в бомбоубежище, я была во 2 этаже в 78 комнате, а бомбоубежище в подвале, т.к. в наше здание попадали и каждое сотрясение вызывало снова разрушения и обвалы. Выглянув в коридор, пришла в ужас, груды разного мусора, небо видно, жуткая картина. Как жаль, погибли многие симпатичные мне люди. Жаль А.Т. —

вали раненых. Многие были в столовой, а то еще бы было больше жертв. Один снаряд угодил в стену кухни. Какой был кошмар, какой грохот, а я была в то время одна в комнате, мое начальство убежало, а я не успела, так как бросилась за портфелем с деньгами и карточками, и там был кусочек хлеба... Мысль о том, что я погибаю, а хлеб не доела, меня, кажется, больше всего обеспокоила. Вот ведь как?! Это очень характерно! Вот и сейчас! Ведь каждую минуту можно всего ожидать, а мысль, что не съедено — не оставляет голову. Так и все говорят: съем, а то, может быть, умру!

Как пройдет сегодня ночь, погода ясная! Вчера были 2 тревоги, и «накуролесили» немцы. Ах, как хочется шоколаду, а я ведь уже много съела, пожалуй, надо воздержаться, а что если ночью, ну да может быть, и нет, если будет что, то я постараюсь скорей и съесть. Здесь я осталась одна, все родственники уехали. У

Кругом гибель, истребление! Но мужество... и оптимизм. Когда это все кончится! А пора кончатся, уже сил у людей, терпение истощено! Но... мужество. Всему бывает конец, и хорошему, и худому!!!!

меня нет ни братьев, ни сестер, ни мужа, ни родителей. Мужа у меня не было. Как страшно жить, наступила 2 военная зима — страшно жить в моей комнате 25 метров, разбитое окно. Мне мои служащие хотят помочь: маляр вставит фанеру, навесит рамы и замажет; надеюсь скоро получить дрова, я заработала 2 кубометра дров, на Л. острове

золоте. Сволочи! Меняют и продают ворованные продукты безнаказанно. Когда это кончится. Какая страшная жизнь! Шла я как-то по Невскому проспекту, и так было пустынно, и вспомнился мне прежний Невский, какая разница, обрушенные фугасками дома; хотя теперь устроена бутафория или декорация: Гостиный двор обгорел, и почувствовала я —

А. Корольчук «Город», из серии «Письма войны» литография, 1987.

как я люблю Ленинград. Ведь всю жизнь я в нем жила, когда уезжала, то всегда скучала о нем и стремилась назад. Много хорошего и плохого пережито, да, в ужасную эпоху я попала жить. Японская война, революции 1905 г. и 1917 г. германская имперская война, финская война, и вот теперь весь этот кошмар, захват фашистами Норвегии, Дании, часть Франции, Греции и др. стран; а теперь и нашу территорию временно оккупировали. Что-то будет, когда они выдохнутся! Техника, дисциплина, немецкая аккуратность и точность, ну мы-то в другом роде народ. На юге наши дела неважны. Геройски защищается Сталинград (бывшее Царицыно), но они идут к Грозному. Начинает хотеться есть. У меня нет хлеба, есть селедка, изюм, шоколад. Съела селедку без хлеба, выпила чаю с шоколадом, да еще вина «Кагор». Плитку я протопила, согрела кофе и чай. «Лукулловский пир» устроила в одиночестве при свете коптилки. Напилась воды..., под глазами, да и ночью беспокойно спать буду, если бы было побольше хлебца, а крупы у меня немного есть; да дома, ну —

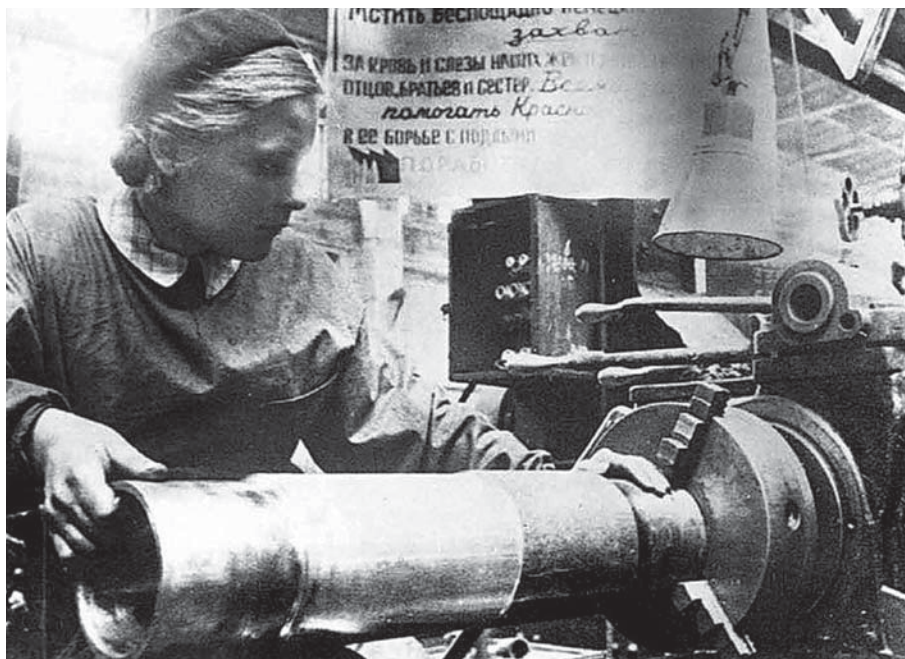
обстрел, или наши стреляют, тревоги не слышать! Заперлась я на все затворы, надо ложиться спать, а то опять есть захочется. Ночью встану, суну кусочек шоколаду или изюминку в рот, и «муки» голода прекращаются, а утром побегу на рацион есть завтрак — 140-160 гр. каши с маслом и 2 ст. кофе, кусочек в 10 гр. сливочного масла, хлеба до 500 гр. в день, на обед бывают щи, или суп, на второе — рыба или мясо с гарниром, иногда на третье бывает компот, не очень сладкий.

«Ну, вот и летят — тревога!» Что-то будет? Как-то дома? Женя одна в квартире, как ей жутко, как там холодно, меня нет. С немецкой аккуратностью они летают, почти в одно время. Что-то опять натворят! Зенитки палят. Все посты на местах. Мы раньше бегали в бомбоубежище, а теперь я лично ложусь в кровать и жду..... смерти; вот, не доест ли шоколад, держу поближе. Сейчас полет, а не слышать, должно быть еще далеко или не в нашу сторону полетели. Здесь им делать нечего, или разрушать уже разрушенное и сгоревшее, подожгли зажигательными бомбами, а Красное здание как

изуродовали, но только Северная сторона уцелела, где столовая и правление. Когда тревога — тревожишься о своем доме, о своем угле, когда так страшно сейчас, холодно — ведь в квартире из 12 человек умерло 8, и так везде за прошлую зиму. Как О. говорит: из каждого окна дома выглядывает покойник. На улице валялись по несколько дней умершие, не успевали подбирать, так умирали с голоду! С холоду! поголовно умирали! Стреляют близко! Мне прошлую зиму пришлось ходить пешком на работу — километров 5-6, пока я не обессилила, по дороге считала трупы, одна жуть! Ох, какая стрельба из зениток, окна завешены. Где-то сброшено, колебание почвы! У кого-то горе! Ах, как страшно! Но вниз не пойду — ведь засыплет! Остудело все, я часто не чувствую ничего! И нет слез, даже после смерти мамы — не плакала, зашила ее в простыню, и свез П. ее на тележке в морг в Троицкий Собор.

Полетели в город... ..Ем селедку без хлеба, вкусная, жирная, запью чаем с шоколадом! И лягу спать! Пусть стреляют, все равно! Жизнь моя личная кончена в 47 лет; да,

не склеилась моя личная жизнь, «невезучая», как говорил мой папа, мой добрый, обожаемый папочка. Ах, какой это был чудный человек! Как я его любила, обожала! Какие чудные люди были мои родители! Как я много потеряла, так много! Если вдуматься — можно с ума сойти — нет, не надо думать! Все думают и говорят только об одном, еде, и живут от завтрака до обеда и до ужина в ожидании! Ах, что мне все-таки делать! Мне надо расстаться с вещами, с обстановкой. Но никто теперь не покупает — зачем, сколько обстановки эвакуировано, целые заграждения устраивали. Моя белая мебель — дают бесценно. Рояль! 2 т. — да никому не нужен. Разбомбят, того гляди! Вот, носильные вещи нужны, а их уже не стало, всему бывает конец. Не жизнь, а жестянка! Противно то, что иногда как не поешь дома, сейчас уже ходишь и качаешься, а физических сил нет, совсем слаба стала, ни поднять ничего не могу — противно! Хотя я теперь против весны и прошлой зимы — куда герой, никакой дистрофии, как было. А еще все-таки дистрофия! Как из этого положения выбраться! Если на нашем рационе не станут лучше питать, то мы опять ударимся в дистрофию! Отбоя не слышать. Что-то мне никто не пишет! А от О. так и не было письма — ни одного! Ложусь спать! Тепло! <...>

7 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

<...> Такое сейчас солнышко! Надо ехать домой. Видела Скворцова, хочет придти завтра, починить мне окно после обеда. Сейчас очень строгая дисциплина, трудно будет отпрашиваться — попытаюсь. Сегодня только один день праздник —

Медленное умирание страшнее всего, а люди бездушны, каждый думает только о себе и спасается по-своему; кто понахальней, понапористей, пожуликоватей, поэнергичней — вылезут — не мытьем так катаньем, а «слабые» — т.е. порядочные люди — им смерть или мука!

25-летие Октября! 25 лет! — Сегодня утром даже меню неизвестно! Плохо работает 12-я столовая. А в столовой 11 наладилось! А мы предполагали, что 12-я будет на высоте! Днем мне полегче, а к вечеру начинается тоска по уехавшим, умершим. Лилюнчик — моя племянница, Оля — моя двоюродная сестра, тетя Аня — моя крестная мать. Как-то они живут в Тюмени, Оля в Тихвине! Что-то не пишут, а между тем, люди получают письма, значит, доходят, а почему мне нет? Что это такое значит? Надо позвонить Жене, он на казарменном положении в типографии, где работает заместителем директора, как его теперь называют. Надо ехать домой. Одела еще одну «шкуру» под летнее пальто. Буду идти до трамвая против ветра, на ногах у меня мелкие галоши и гамаша, на голове вязаная шерстяная шляпа, которую я купила у Ж., эта шляпа покойной Ирины, которая умерла у нас в квартире, простудившись <...>

<...> Надо ехать домой! Одеть мамину шубу, мое пальто зимнее в жутком состоянии, т.к. спала в нем всю зиму, стирала и т.д. Было до 4 градусов мороза в квартире. Боялась замерзнуть во сне — спала в зимнем пальто, в шапке-ушанке, наваливая на себя все одеяла и вообще что только можно было. Руки распухли — болели. Весной, когда я

сняла шапку, я была лысая. За лето волосы подросли, но если бы было питание, а то его нет, плохо подросли. Вообще, идем к гибели, вот и... ..Медленное умирание страшнее всего, а люди бездушны, каждый думает только о себе и спасается по-своему; кто понахальней, понапористей, пожуликоватей, поэнергичней — вылезут — не мытьем так катаньем, а «слабые» — т.е. порядочные люди — им смерть или мука! Надо ехать! Ведь много дел! Съездила домой <...>

<...> Нет, что мне делать? Я без крова — нельзя жить в моей комнате, ну починят окно, а дальше дрова, ну будет 2 к.б. дров, а кругом — нежилые комнаты, запечатанные. Мороз все крепчает. Сейчас в комнате уже 2 градуса тепла. Поехала обратно в контору. Пообедала на рационе: были щи из белой капусты, даже не

заправленные ничем: вода, капуста, соль. Второе: консервное мясо с картофелем, пюре и соус — ничего, вкусно. Я сразу поужинала, т.к. был уже 7-й час, на ужин были «вынимки», так называли «шроты», т.е. запеканка из шрот с компотной подливкой и чай 2 ст. И это праздничная еда! Пришла в контору, затопила плитку, сварила суп, из селедки, т.е. из головы селедки с капустой и ботвы соленой, а еще сняла со своего огорода и посыпала укроп немного, прибавила пшена и турнепса, которого купила 500 гр. Зашла в комиссионный магазин, и, о радость, продана скатерть сурового полотна валдайской вышивки, получу 80 рублей, а продано за 800 рублей — 15% берет магазин себе; жаль, что опоздала в бухгалтерию магазина, а то бы получила деньги сегодня. Придется просить Д.Т. съездить в банк, а там зайду по пути в столовую. В столовой все под хмельком. Недаром вино я уже на следующий день купила подразбавленное — жутье кругом. Очевидно, надо жить так: с волками жить, по-волчьи выть! Пора спать — часов нет, но думаю, что в 9 часу лягу, копилка горит, а жаль горячее. Сейчас тихо, и даже не стреляют больше, когда я возвращалась из столовой, стрелял пулемет. Вот и сказала — вдали слышен гул моторов! Стало не по

себе! Лягу, а потом будь что будет – а шоколад поближе положу, хлеб весь съеден. Может быть, это наши летают, тревоги не слышно. Я попила турнепса – вкусно, попила кофе с шоколадом, съела поджаренный хлеб и немного супа из селедки. Это праздничный ужин, свой ужин, а то этого не бывает по вечерам, ограничиваюсь рационом в 7 часов, только погрызу капусту или какие-нибудь овощи – свеклу, турнепс, брюкву – все в сыром виде. Ложусь спать. Окна завешены одеялами. Ноги поменьше болят, т.к. меньше хожу, да и нахожусь в тепле. А через неделю приехать должен М.П. из командировки, наш «хозяин», и, наверно, будет ночевать здесь, т.к. ему ходить на работу далеко, а на велосипеде зимой не поедешь в такой мороз. Снегу нет. Нет, все тихо! Это летали наши! Хороший здесь воздух, около моря, за городом. Да и в городе теперь воздух хороший, фабрики и заводы почти все закрыты – эвакуация, людей и движения мало. Только трамваи, и то не все ходят, да военный транспорт – авто. Ни автобусы, ни троллейбусы не ходят. Народу стало мало, после эвакуации, а трамваи берешь с боем! <...>

14 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

Сегодня суббота, а я после завтрака еду домой завтра. Сейчас буря, ветер сшибает с ног. Думается, не будет тревоги. Сегодня ездила в сберкассу, получила лотерейные билеты 2-ой вещевого лотереи, завтра разыграют, надо в понедельник раздать рабочим и служащим. Нас всего 21 человек, в т. числе только что прибавились из Клуба. Плита топится, в комнате очень тепло, хочу помыться, а на днях вымыла голову. Сегодня только я ушла из конторы и перешла мостик через Екатерингофку, завывала тревога, и я пошла пешком в Кировский Райсовет, началась буря, на обратном пути приехала в трамвае, тревога кончилась, трамваи начали ходить. Каждый день и каждую ночь по несколько раз объявляют тревоги, и были уже «катастрофы». На Загородном и Социалистической улице все стекла выбиты волной воздуха, где-то была сброшена бомба, на Боровой и на Глазовой тоже. Вот и опять эти страшные переживания, и давно не было тревог, почти год. Кроме той пальбы, только вчера и сегодня прекратилась пальба. Интересно, вернется ли М.И. – ведь партия его не отпустила совсем, а только в командировку на месяц, но он теперь не военнообязанный. Я думаю, что вернется, но с большим опозданием. Наши финансовые дела плохи в отделе, плохо поступает квартирная

плата. Боюсь, что и зарплату будет нечем платить. Никто мне не пишет, чем это объясняется? Такая тоска меня грызет! У меня лицо полное. Ужасно потолстевшее и румяное, а тело тощее, или это потому что я много пью чай или кофе, да и рацион весьма водяной. Эти мясные котлеты, супы овощные, заправленные жиром. Утром и вечером каши – еще икра 28 гр. Сегодня 10 гр. сыра, 10 гр. масла сливочного дают каждое утро к завтраку. Вечером сегодня ели комбинированную кашу: лапша, горох, пшено – все остатки дня. Ничего – вкусно. И еще 2 котлеты из шрот с казеином, вкусом напоминает творожники, если бы подсластить их – было бы еще вкусней. Сейчас их съем, я принесла в контору, разогрею кофе с соевым молоком, получили сегодня, и с кофе их съем. А потом как можно раньше спать, чтобы не котлеты есть, а то шоколад кончился и что-то все хочется есть.

Я такая большая женщина, мне много надо, а дают всем одинаково маловато. Ох, когда-то это все кончится – мы так живем в зависимости от столовой, и что дают – когда мы будем покупать что хотим и есть что и сколько хотим? Что быть может лучше – такая свобода! Какое счастье – эл. освещение, и настроение совсем другое делается. Приедет М.П. – кончатся наши золотые денечки. Все живут какой-то животной жизнью, интерес только о еде, о меню говорят, как о чем-то столь важном, обсуждают на все лады блюда и всем мало, да и, по правде сказать, мало, даже женщинам, даже, вернее, детям – порции до «ужасно смешного» малы. Призрак прошлой зимы у всех перед собой – умирать медленно, дистрофично – очень тяжело, мучительно и лучше

сразу, ибо никаких надежд не стало... все потеряно... все в прошлом, а старость надвигается, мне 47 лет, и чувствуется, как подорваны силы, пережитые кошмаром прошлой зимы... а впереди что... .. Ведь нет теплого собственного угла. Страшно, и никто не пойдет навстречу. А может быть, и пойдет? – Ах, мамочка, папочка! Милые мои, дорогие! Нет вас больше! Нет никого. Все уехали, кто умер, сколько умерло! Я вывернулась, может быть, для того, чтобы снова так мучиться страшно! Скорей бы война кончилась. У всех одно это желание! Какое это было бы счастье! Жизнь стала бы улучшаться, вернулись бы уехавшие – какие радостные встречи! Сколько работы было бы после войны! Наживалась бы жизнь! Какое это было бы счастье! Америка помогла бы продовольствием и другими товарами! А блокада Ленинграда была бы снята! Даже это было бы так много! Но... что-то не получается ничего! – Нет, если бы кончилась война! Какое это было бы счастье! Всех так пугает перспектива второй военной зимы! Да вот она уже и началась эта зима! И с такими холодными ветрами. Что делать!!!! И вот опять мысль: что-то завтра будет к завтраку? Чем опять будут кормить? Вот так и все время и у всех, за редким исключением – у «сытых». Начальники получили вторую продовольственную карточку 1 категории. Они будут принадлежать к категории «сытых». <...>

27 НОЯБРЯ 1942 ГОДА

<...> Обстрелы бывают. Сегодня ночевала у Ж. в комнате, у нее 2 градуса тепла, т.к. подтопили немножко. Дров у нее тоже нет. Поги-

бель! Ставят условие: если поедешь на ночь, на погрузку, то получишь 2 к.м., а работала она 2 дня на сломке. Она слаба — как ей ехать. Сегодня был обстрел нашего района, снаряды так и свистели, и бухали куда-то на крыши. Мы с Ж. никуда не уходили. Ночью было сообщение о продолжающемся наступлении наших войск под Сталинградом. Мы здорово их колотили, берем много пленных — налеты прекратились. Я живу в конторе, но приехал М.И., и я, наверно, перееду на О., надо вскрыть квартиру, она запечатана. Сегодня я приперла таз, подушку и одеяло. Пока лежит в коридоре, только бы не исчезло. От Т.А. была телеграмма: они переехали из Т. в С., на север, и просит прислать денег. Телеграмму получил Ж., я у него была в типографии, где он на казарменном положении и живет в комнате с директором. Ж. послал 200 руб., я 100 руб., посылала я из 35-го почтового отделения, в доме, где моя служба. Сидим сегодня без света, т.к. лампочки сняли, пока не получим разрешения от нач. порта. В моей комнате в нашем доме, как на улице, окно разбито. Надо заделывать. Сегодня большой мороз с ветром. Дома веет смертью! Жутко! Погибель! <...>

28 НОЯБРЯ

<...> Сегодня опять сытный день: на завтрак 145 гр. комбинированной каши, запеканка из сои, 2 ст. кофе. На обед: щи, рыбная колета с пшенной кашей 140 гр. и 20 гр. столового масла. На ужин: щи, шротная запеканка, компот, каша ячневая с маслом 5 гр., 20 гр. столового масла, 2 ст. кофе — вот это называется сытностью! Да еще сегодня получила шоколадку 240 гр., чудный шоколад, 75 руб. килогр., заплатила 18 рублей. Я уже 40 гр. съела в 1 день, так полагается, а потом начинаешь экономить, растягивать. Очень вкусно пить с кофе. Я еще у Д.Г. купила порошка сладкого, вроде сахарина, не знаю, как называется. Пишу при копилке, Д.Г. придет и вернет лампочку. Что-то он застрял на ужине, наверно, собирает кофе, есть такие, которые берут и не пьют. А уступают ему, а он любитель. Ему 63 года. Аня поедет сегодня домой, если трамвай идет. Она имеет два завтрака и два обеда, 1 ужин, т.к. кроме рациона по 1 категории имеет еще питание в командирской столовой, где лучше и питательней кормят, порции большие. Какая везде тьма. Сегодня мало стреляли. Под Сталинградом наши войска продвигаются вперед. Может быть, это начало конца — скорей бы! Завтра воскресенье, тяжелый день —

беготни много. Надо съездить за деньгами в комиссионный магазин, если что-нибудь продается, оттуда на рынок, купить овощей, хочу сейчас постирать, притащила свой таз. А Жена там дома одна, в мороз, во тьме! Сердце кровью обливается, как подумаю о ней! Многие в таком положении! Я очень нуждаюсь в крупе, подговорила одного военного, но он что-то не пришел, а хотел за поллитра водки дать 3 кг крупы, потом хотел взять старенькие папины шерстяные носки за 400 гр. хлеба. — Он так и не пришел. <...>

10 ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА

<...> Не могу все писать — все среди людей! Аня ночует, Л.В. ночует и Д.Г. Какая странная жизнь: ночуем с посторонними мужчинами, с мужьями, и никто не думает, что это «шокинг», ведем себя прилично, говорим о еде и о работе, все озабоченные какие-то. Будешь тут озабоченным: Ленинград отрезан, с Большой землей сообщение через озеро пока нет, оно еще не замерзло, ледяной дороги нет. Ф. поехал, хотел проработать, но его не пустили. Он рассказывал, что ледяную дорогу уже подготавливают, военные с той и с другой стороны пошли с санями, а много женщин нанято, чтобы расчищать путь, но, как мне сейчас говорил один приехавший с Ладоги, озеро посередине еще не замерзло. Только бы хватило продуктов для армии и оставшихся жителей города. Неизвестно, как долго будет замерзать озеро, какая будет погода. Сегодня большой мороз. <...>

12 ДЕКАБРЯ

<...> Вчера был вечером жуткий обстрел, падали снаряды на Невский проспект и угол Литейного, много убитых и раненых пешеходов. Стреляли, очевидно, из Петергофа или Стрельн. парка. Вчера я шла ужинать в 6 1\2 ч. Снаряды падали недалеко, было страшно: темно, лужи, скользко, ни души, обратно так же, была рада, что добралась до дому. <...>

19 ДЕКАБРЯ

<...> Начальник управления приехал из Москвы, навез еды, и все ближайшие начальники, и их... получили кое-что, а мы облизываемся — такова сейчас жизнь: одни жрут в 3-4 горла и толстеют, а я и мои толстеют на лицо, т.е. пухнут щеки, худеет тело. Сейчас с питанием лучше, чем в это время в прошлый год, а все-таки мало. Смертности такой, как в прошлом году, пока нет. Сегодня я дополнительно питалась, а

завтра попробую на 20 р. напитаться, если талончики действительны, не знаю, боюсь, что после 20-го числа недействительны, я купила детские карточки. Сегодня объявили по радио и в газете о выдаче пшена рабочим, служащим и детям, и всем категориям 400 гр. соли. На рационы получаем соль, а крупа идет в обеды, мясо тоже; масло получаем частями и в кашу, а сладости на руки: у меня раб. карт., получаю 900 гр. в месяц, крупы 2 кг, мяса 1.800 (сюда же входят рыба, колбаса), масла 800 гр., служащие — половину пайки. <...>

18 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

<...> Вот и в Новом году! Начались опять бомбежки и обстрелы. В Кр. Зд. угодил снаряд в окно, где ночевал Павл., но он вышел из комнаты до падения. Обстрел был ужасен как никогда. <...>

19 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

<...> Ура! Блокада Ленинграда прорвана, войска Л. фронта и Сев. армия соединились, нами взят Шлиссельбург, Синявино и др. пункты. Всю ночь пели и играли по радио, после сообщения в последний час Ворошилов говорил по радио. Жаль, что здесь в конторе нет радио. Вечером узнаю, что Кира убитая.

Везде флаги! Все поздравляют друг друга! <...>

22 ЯНВАРЯ

<...> К сожалению, талончики скоро кончатся и также тухлая рожь, из которой я делала лепешки каждый день. За этот рожью я ездила на судно, где вошла в пробоину в трюм и со льдом собрала в мешок рожь, оттаяла ее, промыла, ибо вонь ужасная, просушила на плите, смолота в мясорубке и делала лепешки, невкусно, съела и тошно, пока желудок не справится с ними. Привезла по силам, но многие ездили несколько раз и привезли много. Ложусь спать. <...>

26 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА

<...> Взят нами Воронеж. Жуткие бомбежки по ночам, на одном Большом проспекте сброшено 12 фугасных бомб, местами сбрасывают и зажигательные, и комбинированные бомбы, возникают пожары. Стало жутко! Вчера был 30-градусный мороз, мы работали на восстановительных работах в Кр. Зд. — людей совсем не жалеют, ведь эта работа могла быть сделана после падения мороза. Сегодня уже 15 градусов. Мы выбрасывали мусор из окон Кр. Зд. Сердце просто обливается,

А. Корольчук «1941 год» из серии «Письма войны», литография, 1987.

смотря на это здание, в котором я с большим удовольствием работала.

Меняю с М.И. водку, которую к празднику 25 л. Красной Армии видали 1 и 4 категории: он мне даст кило рису и 200 гр. рафинаду. Думаю, согласится. Водка на деньги — 600 р. литр. Что-то на юге делается, перестали сообщать в последний час. Мы заняли Харьков, Ростов-на-Дону и продвинулись здорово! А на Ленинградском фронте что-то не двигается. Когда это все кончится! Всему бывает конец, плохому и хорошему, но когда! Прошлая декада конца февраля была сырая, все вырезали по 80 гр. крупы, т.к. было 8 дней! — Сегодня жуткий ветер, валит с ног. А погода весенняя, снег сильно тает. Зима не холодная, часть растаяла, хоть несколько легче, да и с продовольствием лучше, чем в прошлую зиму, на рации в особенности лучше, т.к. дают дотацию. Рано выключили свет — кончаю, при копилке плохо видно. <...>

21 МАРТА 1943 ГОДА

<...> Я в воскресенье была у т. Мани, и приехал Р. из М. и Лева в отпуск с фронта, навезли хлеба и других продуктов. Ну, и нажралась же я, и забыла что нам, дистрофикам, нажираться не следует, очень часто смертельные исходы. Я чуть

не схватила понос, но обошлось. В воскресенье т. Маня говорит: «Вот, садись и ешь хлеба, сколько хочешь». Я ушам своим не верю и глазам: буханка хлеба и большая, ну я всю и съела. Запила чаем. Чувствовала тяжесть, но не сытность. В понедельник я у нее обедала, сожрала две тарелки глубоких супа из крупы, картошки со шпиком и кучу пшенной каши со шпиком, запила какао (моим), и были мы похожи на удавов, которые нажрались. А зенитки палят, а летают близко! Будь что будет! Коля и Лева не были дома — ну мы и устроили «Лукулловский пир». Коля приехал за т. Маней, но возможно, что он переведется сюда. Я бы очень хотела, было бы и мне легче! Т. продала мне одну вещь за 800 руб., я получила 360 р. деньгами, а на остальное продукты: хлеба на 200 р. (большая буханка), 200 гр. (80 р.) пшена, 200 р. рису, 100 гр. шпика (80 р.) Ох, зенитки! Сiju с копилкой, дверь не на запоре — бежать, так все наготове, вот только темно, нет света! В придачу т. Маня дала еще сушеной картошки, 200 гр. муки и картошечек несколько. Такие все хорошие вещи, я ем теперь по вечерам и даже стала поправляться. Отоварили карточки на 200 гр. шпика, жиров, поела, и ноги лучше стали ходить, а сидели мы дома без жиров, почему-то был затор. Да это был сон!

Наши некоторые сотрудники уехали из Ленинграда, там наедались, что поумирали. <...>

1 АПРЕЛЯ

<...> Столько разрушений и жертв! Еле добралась домой, это называется: я прогулялась по хорошей погоде до пр. Газа и обратно. Дай бог ночи! Немцы взяли обратно Харьков и другие города. Наше наступление как будто приостановлено. Ну да мы еще покажем! На Берлин был ужасающий налет англичан! Сегодня получила подарок от А.Н. Она питается очистками разных овощей, шкорок, лука и делает из этого вкусные лепешки. Подарила мне 7 шт. вместо торта и подарила еще литр рыбного супа из жабр и др. очистков рыбы, который ей дал повар из части. Часть стоит в нашем разбомбленном клубе, где дворник. Бедная, как она живет. Я у нее сегодня была. Жуткая комната и закопченная, холодная, сырая, она еле починила ее, нет у нее физических сил. Питается она на рации и, вот, очистками. Сейчас разогрею рыбный суп и поджарю ее лепешки, и будет у меня «рожденный ужин»

Кругом гибель, истребление! Но мужество... и оптимизм. Когда это все кончится! А пора кончать, уже сил у людей, терпение истощено! Но... мужество. Всему бывает конец, и хорошему, и худому!!!! <...>